

Анька валялась в своей комнате на кровати и ревела в голос. Рядом на диване вторила, звонко всхлипывая, её лучшая подруга Ирка. Их только что выпороли! Естественно. Ремнём.

Спустили джинсы вместе с трусами на колени и, кинув поперёк кровати, выходили по голым задницам. Позорище-то какое! Аньку уже лет десять не пороли. Да и вообще, почти никогда так не наказывали. А тут...

Слов нет, дурасть они с Ирккой сотворили капитальную. Надо же им было соглашаться ту сумку нести! Знали ведь, кто просит. Знали, что Вадька со скинхедами вяжется и с чёрными археологами, что с милицией давно на ножах. Тем более, почти год не виделись, куда он ещё влезть успел, понятия не имели. И встретили-то его, возвращаясь в город, случайно. Но как отказать бывшему однокласснику. Вадька в школе всегда за своих горой стоял. Никто пацана из их класса, а тем более девчонку не смел обидеть. Даже старшеклассники. Знали, что Вадька вечно с ножами, с кастетами таскается и ни перед кем не отступит. И если надо будет, таких дружков позовёт, что только держись. Вот и не связывались. А Вадька, даже когда после девятого из школы ушёл, однокашников не забыл. В прошлом году, уже перед выпускным, одна наглая уличная компания проходу им с Ирккой не стала давать. Конкретно. Того и гляди напрягут на что-нибудь. Так одного звонка Вадьке оказалось достаточно. Тот приехал один, без всякой толпы, и в три минуты объяснил оборзевшим пацанам, перед кем они за этих девчонок ответят. И все проблемы у Аньки с Ирккой тут же кончились.

Ну, и как ему отказать? Когда им было надо, «Вадик помоги», а тут «иди на фиг»? Да и о чём он просил-то? Сумку с электрички на вокзале мимо милиционеров пронести, пару остановок на метро проехать и там ему вернуть. Там, мол, нет ничего такого. Просто не хочется, чтобы шмонали, а его бритая башка и камуфляж для ментов, как красная тряпка. Вечно досматривают. Звучало, конечно, не слишком убедительно, но... В конце концов, не бомба же там. Какое-нибудь барахло с очередного «чёрного раскопа». Короче, согласились.

Сумка оказалась не слишком большой, но увесистой. Тащить пришлось вдвоём, каждая за свою ручку. Так их обоих, протягивающих Вадьке его багаж, посреди улицы и повязали крепкие, не улыбочивые ребята в штатском. Мордой в асфальт, как Вадима, их с Ирккой укладывать не стали, но, тем не менее, возле машины по стойке «ноги на ширине плеч, руки на капот» поставили. А когда раскрыли поднятую на тот же капот сумку, у Аньки в глазах потемнело. Какие находки?! Какой раскоп?! Два автомата, пистолет, патроны. Коробка с какой-то химотой. То ли для изготовления взрывчатки, то ли наркоты. Анька со страху не разобрала, что ей там говорили. Ещё что-то... Ужас! В общем, закончилась их субботняя поездка за подснежниками в отделении УБОПа.

Вадька, правда, признал, что сумка его. Да и куда б он делся. Вадьку, как оказалось, давно пасли. А толку-то? У следака данные оперативного наблюдения, что девушки оружие с электрички до места передачи тащат. И большие сомнения в том, будто это впервые и, что о содержимом сумки они без понятия. Раз парень сам побоялся мимо милиции нести, значит явно что-то незаконное. И попробуй, докажи, что ты не верблюд. В наивность в таких местах не очень-то верят. А в сумочке, между прочим, лет по пять лежит. Каждой.

Конечно, вряд ли бы их на реальный срок упекли. Не столько Анька с Ирккой наворотили. Но вот биографию дальнейшую могли судимостью испортить запросто. Как минимум

исключение из университета обеспечить. И неизвестно, чем бы всё закончилось, не загляни случайно в кабинет другой следователь, с удивлением узнавший в перепуганной, ревущей Ирке дочку старого приятеля. Тут-то картина и поменялась. Девчат мигом переквалифицировали из подозреваемых во второразрядные свидетели, которых и в суд, как правило, не вызывают. Утёрли подружкам сопли и, заставив написать объяснения под диктовку, выставили в коридор, ждать приезда родителей.

Вызванные по «тревоге» в отделение, отцы прибыли незамедлительно. Показали дочерям по внушительному кулаку и понесли в кабинет какие-то пакеты, видимо презент булькающий, в знак признательности. Уходя, долго благодарили следаков. А в заключение, когда тот, что постарше, прощаясь, посоветовал девчонкам быть внимательнее со знакомыми и думать, прежде чем делать, чтобы не поломать себе жизнь сдуру, оба родителя пообещали убедительно воздействовать домашними средствами.

Вот и воздействовали, блин! Пока ехали к Аньке домой, отцы в их сторону головы не повернули. А дома повели сразу в её комнату. Они с Ирккой думали для крупной беседы. Ага, счас! Размечтались! Разгневанные папаши без всяких разговоров всыпали дочкам по первое число, не поглядев, что девушек в восемнадцать лет пороть вроде бы и не полагается.

Положилось! Анька отчаянно всхлипнула. Да, по большому счёту они легко отделались. Но как же всё-таки было стыдно и унижительно, когда с неё, почти взрослой девушки, уже студентки, при постороннем мужчине, пусть даже это только Иркин отец, спустили штаны и отходили ремнём по голой заднице. И ещё бо-о-о-льно-а-а-а!

Впрочем, Ирка-то не в лучшем положении. Она того же позора хлебнула. И «воспитания». Анька, оторвав голову от подушки, покосилась на подругу. Вон поперёк ягодич полосы красные. И на ляжках тоже. У неё самой, видимо, тоже самое. Попа словно огнём горит.

— Во влипли-то, Ань. — Сквозь слёзы поглядела на неё подружка. — Съездили за подснежниками.

— Ага. — Вытираясь зарёванной моськой о подушку, отозвалась Анька. — Кстати букетики так в сумочках и лежат.

— Я даже знаю, куда их теперь засунуть. Как раз две подходящие вазы со снятыми трусами лежат. В красную полосочку.

— П-ф-ф-ф. — Анька, не выдержав, фыркнула со смеху.

Следом за ней, видимо представив себе эту картинку, рассмеялась и Ирка.

— У тебя никакого заживляющего крема нет, а то болит жутко? — Она осторожно дотронулась до наказанного места. — Горячая.

— Сейчас намажу. — Аня потянулась к верхнему ящичку стола. — Крем хороший, с обезболивающим. А потом ты мне.

— И правда, кажется, помогает. — Ирка, закончив «лечить» Аньку, застёгивала джинсы. — Всё-таки почему: не думает голова, а расплачивается жопа?

— Потому, что через это место лучше всего доходит. — Дверь распахнулась, и в комнате появились оба родителя. — Хватит задницами кверху валяться, террористки. Идите ужином займитесь. Ирина с дядей Костей у нас ночевать остаются.

Разговаривали папы уже спокойно. Видно было, что хоть и недовольны дочерьми, но в основном считают инцидент исчерпанным.

— И если решили, что с вами круто обошлись, — повернулся к выходящим девушкам Ирин папа, — подумайте, что будет завтра, когда ваши мамы вернутся из дома отдыха и обо всём

узнают.

Лучше бы он об этом не упоминал. И без того не слишком радостное настроение подружек испортилось окончательно. Санкции мам будут не столь болезненными, зато куда более продолжительными и обременительными. Долго по струнке ходить придётся.

— Хана, Аньк. — Лаконично прокомментировала замечание папочки Ирка. — С завтрашнего дня мы начнём жить в лагере строгого режима.

— Это точно. Из универа домой и сразу отзвонись по городскому. Гулять только до шести и то в магазин за хлебом. В качестве развлечений — дневной сеанс в кино по воскресеньям. Про остальное забудь. Причём минимум до осени.

— Если не до Нового года. Даже купаться летом будем в ванной. Ну, ещё по выходным под приглядом родителей. Личной жизни капут. Ужас! Надо что-то делать, Анька.

— Что?

— С папами договариваться, чтоб не закладывали.

— Безнадёга. — Уныло вздохнула Анька. — Не выгорит.

— Надо пробовать! Давай сейчас ужин приготовим, накормим мужиков, а после сунемся. У них вон коньяк стоит, сговорчивее станут.

— Я бы на это не очень рассчитывала. Им на двоих бутылка коньяка, что тебе стакан кефира. Сильно добрыми не станут. Скажут: «Получайте, что заработали».

— Да, на жалость бить бесполезно. — Ирка повернулась к Ане. — Нужно по другому. — И как?

— Ну-у... Как надёжнее всего от мужчины чего-то добиться?

— Добиться?... Надёжнее?... Ты что?! — Ахнула Анька, до которой дошло, что Ирка имеет в виду. — Совсем рехнулась?

— Не рехнулась, а предложила вариант решающий все проблемы. Вполне, кстати, приятным способом. — Ирка дёрнула из холодильника ящик с овощами. — Нет, если у тебя есть более светлые идеи, я вся внимание.

— Нет у меня ничего. Но это... Просто нет слов!

— Да, что такого страшного тебе сказали? На, почисть. — Ира сунула Ане луковицу. — Подумаешь, разок... Можно подумать, ты у нас девочка и никогда со своим парнем этим не занималась. Убудет от нас что ли? Даже интересно... в какой-то мере.

— Нет не девочка. — Анька слегка покраснела. — И не убудет... наверное. Но... Ир, но это же ПА-ПА!

— Ну, я ж не предлагаю тебе со своим. Ты к моему, я к твоему.

— Ирка, блин! У меня пальцев на руках хватит сосчитать сколько раз с Сашкой «было». У тебя, знаю, с Димкой не больше. Профессионалки из нас как... из коров манекенщицы. Как ты это себе представляешь хотя бы?

— Как, как? Найдём сейчас в твоём барахле ночнушки покороче и попрозрачнее, подождём пока коньячок допивать станут и пойдём... подлизываться.

— Кормить-то скоро будете, киллерши? — В дверях кухни появился Анькин папа.

— Скоро, дядя Игорь. Картошка варится. Сейчас мясо разогреем, салатик настругаем. — Ирка ловко всучила мужчине стопку тарелок и вилки. — Вот, отнесите пока.

— Ань, — повернулась она к подруге, — ставь сковородку. Эй, ты чего?

— Ир! — От волнения голос Аньки сел до шёпота. — Он же, наверное, всё слышал!

Ирка испугано зажала рот ладошкой, но уже через секунду успокоилась.

— Да нет, не должен.

— А если?

— А если слышал и ничего не сказал, значит не против. Ещё и лучше. В общем, делаем, как решили. Ты сковородку сегодня поставишь?

— Да ставлю уже. Ох, Ирка, влипнем мы с тобой. — Поёжилась Анька. — И огребём ещё раз. Ирк? Думаешь, они, правда... будут?

— Они что не мужики? Им с молоденькими не хочется? Тем более при полной гарантии, что всё шито-крыто пройдёт. В любом случае, Анька, терять нам нечего. — Подружка направилась к выходу из кухни. — Давай, заправляй салат, я там на стол накрою.

...

Папы удобно расположились в широких креслах по обеим сторонам журнального столика.

— Хороший коньячок. — Константин поставил рюмку и закурил. — Девчонки-то как сегодня шуршали: мигом на стол, мигом со стола. Добавочки положить? Лимончик порезать?

Поняли, интересно хоть, что за дело попало?

— Да какое там дело. — Отмахнулся Игорь. — Мы в молодости глупостей не делали? Девки-то хорошие у нас. Не какое-нибудь... Ну, сваляли дурака, получили своё. Сейчас вот отсиживаются в комнате, а в головёнках одно: как сделать, чтобы мамки не узнали. Те им устроят татаро-монгольское иго. А оно того стоит?

— По мне, так нет. — Пожал плечами Костя. — Отодрать и довольно с них.

Игорь, вдруг, усмехнулся.

— Ты чего?

— Прозвучало двусмысленно: «отодрать».

— А, ну да. — Тоже улыбнулся Костя. — Оно, пожалуй, что и в другом смысле не помешало бы. Для лучшего вразумления. Но не родную же дочку.

— Свою-то зачем? Их тут двое.

— Са-аме-ец! — Константин с насмешливой укоризной глянул на Игоря. — Тебе тридцать восемь лет, седина в башке.

— Ха! — Игорь откинулся в кресле. — И что теперь молодые девчонки нравиться не должны? Я, честно сказать, при экзекуции на твою Ирку поглядел. Ножки стройные, попка ладная. То, что доктор прописал.

— Да и я твою Аньку заценил. Соблазнительная девочка. В самый раз... Гм-м... — Костя озадачено потёр подбородок. — Наливай-ка, Игорёха. А то мы сейчас чёрт-те до чего договоримся.

...

— Ну, подобрала «костюм», манекенщица?

— Годится. — Ирка в последний раз крутнулась перед зеркалом. — Ещё короче — уже беспредел. Жалко разрезиков по бокам нет, как у тебя. Попка была бы видна. Ладно, что-нибудь придумаю. Ань, сбегай, глянь там, в щёлку: в бутылке много осталось?

— Сейчас. — Анька осторожно прошмыгнула к дверям гостиной. — На доньшке. Кажется пора.

— Ну, тогда вперёд. Как там, в Спарте говорили? Со щитом или на щите.

— В смысле все равно выдерут? Либо этим спереди, либо снова ремнём сзади?

— Ассоциации у тебя. — Фыркнула Ирка. — Филолог доморощенный. Лучше вспомни, как пишется «минет».

— Губами. И не пишется, а делается. Ирка!... Я боюсь!

— А я — нет?! — Взгляд у Ирки и вправду был совершенно отчаянный. — Только, что толку сидеть и дрожать? Пропадать, так с музыкой. Пошли, Анька!

— Идём.

Мамочка, страшно-то как! Если их фокус сейчас раскусят и не поведутся на него... Ой, что буде-е-ет!...

...

— Папы, можно к вам? — В дверь комнаты, одна над другой, засунулись две заискивающие девчачьи моськи.

— К нам прибыла дружественная делегация. — Усмехнулся Анькин папа. — Заходите девчонки.

Подружки, бочком скользнув внутрь, подобрались поближе к столу. Взгляды мужчин ненавязчиво, но с интересом пробежали по фигуркам девушек, не пропустив ни гладких, точёных плечиков, ни просвечивающих сквозь полупрозрачную ткань, возбуждающе заострившихся башенок юных грудей, ни открытых выше некуда ножек.

— И с чем пожаловали?

— Ну, дядя Игорь, вы же знаете. — Ирка ловкой обезьянкой залезла на подлокотник кресла, почти на колени к мужчине. — Может быть можно так сделать, чтобы мамы про нас не узнали?

— Дядя Костя, — Анька, тоже с ногами забравшись в соседнее кресло, обхватила Иркиного папу за шею, как когда-то ребёнком, — ну, пожалуйста! Давайте что-нибудь придумаем. Вы же знаете, как нам от мам достанется.

— Ты посмотри, Игорёха, как эти две подлизы нас разводят. — Расхохотался Константин. — К своему родителю не сунешься такой лапочкой. Не проймёшь. А у чужого сердце не камень.

— А то! — Насмешливо отозвался Анькин отец. — Девчонки-то сообразительные. Хорошо, они раньше до этого не додумались. Были б мы с тобой вечные соучастники.

Ирка с лукавым смущением пойманного на бесхитростном обмане ребёнка покосилась на Анькиного папу.

— Что раскусили вас? — Усмехнулся тот.

— Дя-я-я-дя Игорь! — Девчонка, соорудив умильную физиономию, съехала к нему на колени. Рыженькая Ирка, при необходимости, умела превратиться в этакую, симпатичную, пушистую лисичку, отказать которой просто невозможно. И обаятельностью своей, к зависти Аньки, с успехом пользовалась.

— Дядя Игорь, ну, что нам остаётся? — Ирка, словно бы устраиваясь поудобнее, заёрзала на руках у мужчины, отчего ночнушка, конечно, задралась, приоткрыв неленивому взгляду значительную часть девичьего секрета.

Анин папа, судя по направленному туда взгляду, ленивым не был. Впрочем, вырезы их с Иркой рубашек мужчины без внимания с самого начала не оставляли.

Анька тут же повторила манёвр подруги, скатившись с подлокотника на дядю Костю. У неё вышло даже удачнее. Лёгкая ткань, зацепившись за обивку, превратила рубашку в, доходящую лишь до резинки трусиков, майку. Вот только самих трусиков на Ане не было. Кроме того, она стала съезжать по ногам мужчины вниз, и дядя Костя подхватил её, удерживая на месте. Теперь он одной рукой обнимал Аньку, а ладонь другой плотно лежала у девушки на бедре. Причём высоко. Анька чувствовала, как запястье мужчины касается холмика волос на лобке.

— Правда, дядя Костя. Нам мамы такое устроят. — Анька старательно «не замечала» образовавшейся небрежности в одежде. — Да сглупили. Дуры мы с Ирккой, но не оторвы же какие-нибудь. Не повторится это больше. Когда мы вас подводили?

— Дядя Игорь, — в унисон заканючила Ирка, — выручите нас, пожалуйста!

Анькин папа тоже уже обнимал девушку. Ни он, ни Иркин отец не сделали замечания дочкам за их слишком уж открытый вид. Наоборот, Анька заметила, что папы поглядывают на открывшиеся прелести обеих девушек, не делая исключения и для собственных дочек.

Неожиданно для себя, Анька почувствовала, что это возбуждает её. И Ирку, кажется, тоже. А ещё... Она чувствовала растущий под её попкой «интерес» дяди Кости. Неужели получится? Ане уже действительно хотелось, чтобы это произошло. И не только из-за боязни маминых репрессий. — Попробовать, наверное, можно. — Задумчиво протянул Анин папа. Его ладонь легонько, словно автоматически, поглаживала Ирку по бедру. — Костя, это в принципе осуществимо? Из милиции новостей не придёт?

Анька ощутила, что и по её ножкам не спеша заскользила мужская ладонь.

— Новостей-то не будет. Петрович мне обещал. А вот с мамами? Даже не знаю... С одной стороны нехорошо от них скрывать, а с другой... действительно можно об этом и подумать. Опять же девчонкам досталось уже.

— Ещё как досталось-то! — Ирка, подскочив, крутнулась в кресле, переворачиваясь лицом вниз, и, с почти даже не наигранной детской непосредственностью, высоко задрала рубашку.

— Вот! До сих пор болит. И в полосочку вся.

— Да. — Тут же подхватила Анька, в свою очередь, плюхаясь на живот поперёк кресла. — Поглядите, дядя Костя.

Она намеренно не стала сама оголять «рекламируемое» место. Съехавшая ночнушка и так приоткрывала его больше чем наполовину. Для осмотра вполне достаточно, а вот если мужчина, не ограничившись предоставленным, продвинется дальше, значит ему не полоски интересны, а на Анькину попку поглядеть и... потискать немножко. Паузы почти не возникло. Пальцы дяди Кости легонько скользнули по бокам девушки, поднимая рубашку вверх почти до самых лопаток, широкая ладонь начала размеренно поглаживать упругие ягодички.

— Действительно бесследно не прошло. Словно арбузы на коленках лежат.

— Симпатичные, кстати сказать, такие арбузики. — Усмехнулся Анькин папа.

— Ну и что делать будем?

— Да, вот думаю...

Папы явно не торопились завершать процесс «осмотра». Оба, словно в задумчивости, поглаживали аппетитные девичьи «булочки», ладони неспешно спускались на стройные, чуть разведённые ножки, пройдя по ним, возвращались по внутренней стороне бёдер и, как бы случайно, вскользь касаясь кисок, снова забирались на возвышенности ягодички, начиная новый круг. «Ну, и кто кого разводит», — вдруг подумалось Аньке. И вообще, дальше-то что? Неторопливая, уверенная ласка мужчины была приятна. Но Анька уже чувствовала, что её киска начинает отзываться на эти мягкие, повторяющиеся прикосновения. Ирка, судя по ставшим «влажными» глазам, в похожем состоянии. Ну, «намокнут» они сейчас в опытных мужских руках, а потом-то будут с ними что-то делать или нет? Что ж папы молчат?

— Ну, что, «дядя Игорь», — Константин, перегнувшись через Аньку, разлил остатки коньяка, — родились светлые мысли?

— Да, как сказать? — Игорь потянулся за рюмкой. — Вроде бы девчонки своё получили. Но

мамы могут решить, что требуется дополнительное воздействие.

— Что ж, может добавка будет и не лишняя. — Иркин папа тоже взял рюмку. — Хотя мне, признаться, жаль наших... полосатиков.

— Дядь Костя, папа. — Анька торопливо завертела головой, поглядывая на пап. Перевернуться на спину, типа забыв, что её ночнушка задрана до самой груди, она всё же не решилась. — Давайте вы нас сами дополнительно э-э-э... накажете, как захотите. И никто ни о чём не узнает.

— Да. — Подхватила Ирка. — Давайте.

— Самим говорите? И никто ни о чём не узнает? И о самом наказании тоже? — Скользившая вверх ладонь Игоря проникла между бёдер девушки, явственно обозначив прикосновение к киске. — А наказание, Ирочка, может быть разным...

— Мы согласны. — Ирка слегка приподняла попку, демонстрируя понимание намёка.

— И ты, Ань?

Анька ощутила, как к её киске, уже не скрываясь, прижались мужские пальцы.

— Да.

— Что решаем? — Костя вопросительно глянул на Игоря.

— Ну, если ты не против, чтобы я... повоспитывал твою дочку.

— Отчего ж? Я ведь буду твою... воспитывать.

— Только... насчёт последствий. — Папа Игорь покосился на девчонок. — Презервативов в доме не водится.

— Не надо. — Смущённо отвернувшись, буркнула в пол Ирка. — Мы с Анькой таблетки пьём. С этими словами маски были сброшены окончательно, и отступать подружкам стало некуда.

— А ты уже влажненькая. — Костя, наклонившись, поцеловал Анину спинку.

— Мне нравится, как ты меня ласкаешь. И я животом тебя тоже чувствую. — Тихо отозвалась девушка.

Говорить «ты» было непривычно, но на «вы» и «дядя Костя» в такой ситуации... Впрочем, понятно, что манеры обращения сейчас никого не волнуют.

— Иди ко мне.

Мужчина помог Ане сесть, аккуратно приподнял вверх, сползшую было, рубашку и закрыла глаза. Она не видела, как папа поднял Аню на руки, перенёс на ковёр и стал снимать джинсы. Для Ирки исчезло всё, кроме скользящей вдоль створок её шкатулочки руки Игоря. Губы целовали мужчину и шептали что-то невнятное, дыхание прерывалось, низ живота девушки слабо вздрагивал в такт движениям ласкающих киску пальцев... Дядя Костя сбросил джинсы сразу вместе с трусами и опустился на колени рядом с Аней. Его прямой, напряжённый стержень смотрел прямо в животик девушки. Чуть раскрывшаяся головка блестела от смазки. Горячая ладонь легла Ане на бедро. Анька, тоже стоящая на коленях, слегка приподнялась и развела ножки, чтобы киска смогла, наконец, ощутить такую желанную ласку. Два обнажённых тела прижались друг к другу, сливаясь в долгом, затяжном поцелуе. И, наконец, рука Кости мягко коснулась нежнейших створок тесной пещерки, чуть замерла, лаская пуговку клитора, и двинулась дальше, слегка приоткрывая идущим вдоль пальцем готовые распахнуться, обильно смазанные дверцы. Горячая, уносящая разум волна пробежала по телу девушки. Аня вздрогнула, тихо застонав. Её рука медленно сползла с плеча Иркиного папы, коснувшись груди, опустилась ближе к животу, находя упругий, наполненный мужской силой, уже желанный стержень. Мужчина дёрнулся, со свистом втянув в себя воздух, когда

маленькая ладошка обняла его игрушку. Ласковые пальчики девушки осторожно заскользили по упругому, живому стволу...

Ирка тонула в собственных ощущениях, не имея ни желания, ни сил бороться.

— Ой... ой... ма... ой... мамочка... — Срывалось с её пересохших губ.

Ирка не знала насколько громко, но ей было плевать, слышат вокруг или нет. Ласковые, опытные... бессовестные руки Аниного папы творили с ней, что желали, заставляя девушку, забыв всякий стыд, идти, выгибаясь, им навстречу, стонать в голос, извиваться на коленях у мужчины, подтягивая разведённые, согнутые в коленях ноги к животу. Клейкие капельки, не удерживаясь больше на «промокнутой» киске, сползли вниз, на ляжки и попку, а Ира чувствовала, что уже неотвратно накатывается та самая, «настоящая» волна сладчайшего в мире извержения. Она впервые «давала сок» не дождавшись, опережая начало главного. Но ждать уже не было сил. Больше не могу-у-у!

— А-а-а!...

Ирка, перехлестнув ноги, изо всех сил сжала лежащую на киске мужскую руку, крича и вздрагивая с каждым «залпом» брызжущего в пещерке «салюта». Затем она, обмякнув, распласталась на руках Игоря, лишь слабо улыбаясь в ответ его нежным поглаживаниям и лёгким поцелуям...

Анька, в ответ на короткий, звенящий вскрик подруги, судорожно качнула бёдрами, слегка сжав в ладони дяди Костину «игрушку».

— М-м-мм...

Она видела, что папа ещё пока только ласкает Ирку, не делая большего. Но ей самой было уже мало скользящих там, внизу мужских пальцев. Низ живота налился знакомой зовуще-приятной тяжестью. Хотелось, чтобы твёрдый и скользкий от смазки стержень оказался не в её руке, а в ней самой. Прямо сейчас!

— М-м-м...

И дядя Костя отозвался на невысказанное, но зримо исходящее от Аньки желание. Аккуратно уложив девушку на спину, он поднял её ноги себе на плечи, придвинулся так, что Анины колени почти прижались к груди. Направленная опытной рукой, головка стержня коснулась влажных створок узкой ещё раковинки, чуть приоткрыла их и... нежные, тесные стеночки Аниной пещерки вздрогнули, расходясь под напором, заполнившего всю её трепещущую в ожидании глубину, неудержимого поршня.

Анька закричала. Дядя Костя замер в ней на мгновение, потом снова резко качнул бёдрами. Его ствол подался назад, выходя из Аниной «норки» почти целиком, и снова стремительно вошёл внутрь. Возбуждённые стенки шкатулочки сладостно вздрогнули, встречая новую атаку. Затем ещё и ещё.

— А-а-а...

— А-ай-а!

Доведённая до пика желания, заждавшаяся Анька «выстрелила», выдержав едва ли десяток «ударов». Бурлящий в юном теле девушки, сок выплеснулся, заливая, движущийся в ней, живой стержень. Дыхание сбилось, в глазах потемнело. А «волшебный экспресс» продолжал мчаться в её «тоннеле», обещая новые мгновения наслаждения. Впрочем, дядя Костя продержался не намного дольше. Движения его ускорились, стали неровными. Выгнувшись и с силой несколько раз вогнав поршень на всю длину, мужчина зарычал, мелко дёргая задом. Горячая, тяжёлая струя ударила в трепетную, влажную глубину вздрогнувшей девушки.

— О-о-ох.

Аня испытала, даже какое-то разочарование. Неужели всё так быстро кончилось? Но дядя Костя не покинул её пещерку, а снова продолжил короткими, размеренными движениями впускать своего «ловца жемчуга» в нежную раковину девушки. Аня почувствовала, как в тесных объятиях её «красоты» вновь вырастает, набирая крепость и силу упругий, живой ствол...

Ирка, отдышавшись, осторожно соскользнула с ног дяди Игоря на пол и, не поднимая глаз, повернулась к нему. Ей было немножко неловко, что она так, ещё до начала «намокла». И ещё, Ира не очень знала, что делать дальше. Продолжать или сначала пойти помыться, раз уж она... не смогла удержаться? Анин папа, расстегнув джинсы, положил конец её сомнениям.

— Поможешь?

— Да.

Ирка, опустившись возле кресла на колени, помогла мужчине избавиться от одежды. Дядя Игорь сел, свободно расставив ноги. Ира, догадавшись, чего он ждёт, придвинулась поближе. Большой, поблёскивающий смазкой член оказался перед самым лицом девушки. Ирка осторожно взяла его в руку. Напрягшийся стержень вздрогнул, отзываясь на её прикосновение. На вершину, чуть приоткрывшейся головки выползла полупрозрачная, клейкая капелька. Ира, склонившись над «игрушкой», размазала эту капельку по губам, а затем, ощутив языком лёгкую горечь смазки, взяла член в ротик. Она, конечно, не смогла принять его целиком. Стержень был слишком велик для не очень-то опытной Ирки. Поэтому она, придерживая игрушку рукой, просто стала сосать её, как умела. И, судя по негромким, протяжным стонам Аниного папы, ему нравилось. Мужчина начал понемногу подаваться ей навстречу, а потом, взяв девушку за плечи, потянул наверх.

— Иди ко мне.

Широкое кресло позволило Ирке свободно встать на коленях над самым, растущим вверх, стволом. Блестящая, вылизанная девушкой головка коснулась воротец в её «домик» и Ира, обнимая мужчину, оседлала рвущийся в неё стержень.

— Ум-м-м... — Ирка закусила губу.

Поршень Игоря, даря столь желанную близость, заполнил её до конца. Ирка, выгнувшись, приподнялась и качнулась снова, опускаясь до самых яиц. Ещё. И ещё.

— Ум-м-м...

— Ум-м-м...

Горячий, крепкий ствол Игоря прорастал в узеньких ещё сводах её грота. Нежные стеночки трепетали от его напора и ласки. Лёгкие, ритмичные удары в матку дарили невообразимое, почти на грани боли удовольствие. Ирка, продолжая ровно раскачиваться, опустила голову на плечо мужчины. Его ладони нашли подпрыгивающие башенки её груди, обняли их, заиграли с остренькими пиками сосков. Дыхание девушки сбилось, стало тяжёлым и прерывистым. Бёдра непроизвольно вздрагивали в такт собственным «атакам». Кажется она опять «потекла»? Или сейчас будет? Там почему-то так мокро. Может и то, и другое вместе? Ирка сейчас не смогла бы ответить. Повернув голову, она быстро глянула на подругу. Анька, лёжа в позе «ноги за плечи», вздрагивала под её папой. Кажется, она сейчас кончает. И... И... И я то-о-о-же!

— А-а-а-а!

Ирка, изливаясь, отчаянно заёрзала на бёдрах Игоря. Упёршийся в её матку ствол вздрогнул

в ответ, став, казалось, ещё больше и толще. Игорь дёрнулся вверх, прижимая к себе Ирку. Сильнее.

— У-а-ау-уу-у-ааа...

Горячий сок с силой брызнул в тесноту Иркиной пещерки. Снова. Снова и снова. Ира, прижавшись к дяде Игорю, только вздрагивала от этих всплесков...

Анька, вертясь на ковре, краем глаза видела скачущую на коленях папы подружку. Но девушке было ни до Ирки, ни до её криков. Следующие один за другим удары дяди Костиного «молота» истончали, взламывали её плотину, сдерживавшую рвущийся наружу водопад рождённого в источнике наслаждений сока. Новый натиск, и прорыв уже неотвратим. — Уй-и-и...

Первые, словно несмелые, капельки оросили стены пещерки. Анька дёрнулась навстречу мужской игрушке. Дядя Костя, качнувшись в ней, подался назад. И вслед его «уходящему экспрессу» рванулась, выходя из берегов, Анина «речка». Знакомая и такая сладкая волна прокатилась по телу девушки, рождая в её груди новый вскрик, позволяя днём видеть звёзды.

— Ох-х-х. — Аня, снова обретя себя, приоткрыла глаза.

В кресле замерла неподвижная парочка. Ирка, видимо совсем без сил, повисла на руках папы, уткнувшись ему головой в плечо. Похоже, они оба только что кончили. А дядя Костя, кажется, совсем близок к этому.

— А!

— Ха!

— Аа!

Мужчина, тяжело дыша и вздрагивая при каждом «ударе», резкими движениями входил в Аню. Да, он вот-вот.

Дядя Костя, вдруг быстро подавшись назад, снял Анькины ножки с плеч и переместился к её лицу.

— Возьми его. Я хочу тебе в ротик!

Анька, быстро приподнявшись на локте, послушно приняла покрытую её соком игрушку и начала, помогая себе языком, сосать движущийся во рту поршень.

— А-а-а-а-а...

Дяди Костин «фонтан» ударил в нёбо, заполняя горячей, резкой на вкус, жидкостью Анин ротик. Анька глотнула. Новый выстрел. Излишки спермы, не помещаясь, потекли густыми, белыми дорожками на подбородок и щёку...

Ирка тихонько ездил по коленям дяди Игоря. Она так и сидела на, утрачивающем потихоньку прежний размер и упругость, но всё ещё приятно ласкающем, стержне. Ласковые мужские ладони нежно гладили спину девушки. Ирка повернула голову. Папа стоял на коленях возле полусидящей Ани. На лице подруги отчётливо белели характерные капли. Значит, Аньке в рот досталось. Немало, видать, папочка накопил. Сразу чувствуется, что мамы почти месяц нет дома.

Дядя Игорь, похоже, непоправимо выскользнул из неё. Тихонько вздохнув, Ира сползла с колен мужчины. А ноги-то, оказывается, дрожат. Ирка опёрлась на кресло. Анька, поднявшись, тоже подошла к папе. Игорь встал и, обняв подружек, усадил в кресло.

— Отдыхайте, девчата. А мы пока коньячку. — Он решительно добыл из бара вторую бутылку.

— Полагаю, Костик, за такое стоит усугубить немножко? Малолеткам-то, конечно, фиг.

— Ну да, как коньяк пить, так опять малолетки. — Насмешливо фыркнула Анька. — Не

жадничайте, всё равно мы вашу гадость не любим. Лучше сок. Правда, Ирка?

— В сто раз! Мы сейчас себе принесём. Только вы нас подождите. Ладно?

Взявшись за руки, подружки выпорхнули из комнаты.

Перешагнув порог кухни Ирка, оглянувшись, плотно закрыла дверь и повисла у Аньки на шее.

— Получилось!

— Даже не верится! — Анька в ответ обняла подругу и распахнула холодильник. —

Апельсиновый?

— Да. — Ирка отобрала у неё пакет. — Только умойся сначала. А то завела себе привычку шляться со спермой на физиономии.

— Ой, блин! — Анька поспешно сунулась к крану, смывать «боевые отметины». — Ну, что пошли?

— погоди. — Ирка плеснула в стаканы по паре глотков сока. — Сначала здесь выпьем. Это только наш с тобой тост.

— Мы со щитом! — Анька, приветствуя подругу, высоко подняла стакан. Прохладная жидкость ароматным ручейком прокатилась по языку, смывая горьковатый вкус Костиных «сливок».

— Есс! — Ирка тоже проглотила свою порцию. — Победительниц не судят!

— Ага. — Вдруг прыснула смехом Анька. — Их еб... т.

Ирка, боднув Аньку в плечо, тоже звонко расхохоталась.

— А всё-таки ты молодец. — Аня уважительно глянула на подругу. — Классно папочек к теме подвела. Грамотно. И не боялась же!

— Анька, ты что?! — Ирка круглыми глазами глянула на подругу. — Да я чуть не обдулась со страху. И не соображала ничего, по-моему. Я даже не помню, что там делала и молола, только и надеялась: ты всё разрулишь.

— Правда? — Поёжилась Анька. — Хорошо, что я, сидя у твоего папы на коленях, этого не знала. А то бы точно... оконфузилась. — Она обняла подружку. — Ладно, идём.

Победительницы... в памперсах.

Войдя в комнату девчонки, вдруг, натолкнувшись на внимательные, изучающие взгляды пап. Они, не ожидая подобного, даже растерялись немножко и нерешительно замерли посередине. Аньке отчаянно захотелось вцепиться Ирке в руку. Что случилось?!

— Всё-таки хорошие девчонки у нас получились. Красивые. — Наконец, с самым серьёзным видом изрёк Анькин папа.

Тьфу, чёрт! Так это они тут смотрины устроили. Шоу-гёрлз, блин! Напугали чуть не до смерти. Ну!... Папочки! Анька на ватных ногах шагнула к столу, слыша за спиной Иркин вздох облегчения.

— Да. — Столь же глубокомысленно кивнул дядя Костя. — Только у Ирки всё же грудь побольше.

— А у Аньки ножки стройнее. — Не остался в долгу папа Игорь. — Так что один — один.

— Согласен.

— Иди ко мне, доченька. — Папа усадил Аню к себе на колени. — Ты у меня самая красивая! Его ладонь ловко накрыла остроконечный, волнующий взгляд Анькин холмик, скользнула на другой.

— В самый раз по руке. Лучше не бывает. Не слушай никого, солнышко.

— Спасибо, папочка! Ты самый замечательный!

Распалившаяся от облегчения Анька, обвив шею отца, поцеловала его прямо в губы и даже нахально поёрзала попкой по его, между прочим, начинающему оживать, стволу.

— Ну... За близкое знакомство? — Дядя Костя поднял рюмку.

Рюмки и стаканы с соком дружно звякнули.

— Кстати, о знакомстве. Думаю, стоит его произвести и в другом варианте. — Игорь, обнимая Аню, поставил рюмку на стол.

— Полагаешь? — Серьёзно глянул на него Костя.

— Да. Чтобы все уже намертво были повязаны. И ни один рот даже сдуру не раскрылся.

— Что ж, — дядя Костя задумчиво потёр подбородок, — пожалуй, в этом есть смысл. А что девочки скажут? Ты как, Аня?

— Как папа захочет.

Анька и в самом деле не была против. Они все уже столько наворотили, что одним чудом больше, одним меньше — без разницы. Если было с дядей Костей, почему с папой нет? Даже интересно... как с ним.

— Ты, Ира?

— Если все, то и я. — Ирка, похоже, отнеслась к идее с меньшим энтузиазмом, но отступить подружка явно не собиралась. — Заодно вас, как мужичков, заценим.

— Ой, ё-о! — Дядя Костя, фыркнув, ловко скользнул пальцем по мокрой Иркиной киске и шутливо мазнул девчонку по носу. — Всё чему пока научились — это ножки раздвигать. А туда же. В оценщицы!

— Ла-адно тебе дразниться. — Пристыженная Ирка смущённо сморщила носик и снова изобразила лукавую лисичку. — Лучше научи чему-нибудь, папочка.

— Занятия с репетитором для первокурсниц. — В голос расхохотался папа Игорь. — Сегодня проходим правильно... сосание.

— Лишь бы не кружок «умелые руки». — Задорно отозвалась Ирка, с явным намёком изобразив жестом нечто вяло опущенное, и, спасаясь от заслуженного шлепка, торопливо съехала с ног папы Кости на пол. — Ай, ай! Папулька, не надо больше воспитывать. Я уже беру... «авторучку».

Быстро встав перед креслом на колени, Ирка склонилась к ещё отдыхающей папиной «игрушке» и, поцеловав, целиком втянула её в рот.

— М-м.

Ира выпустила стержень и, поиграв с ним рукой, снова охватила губами. Плечи и голова девушки заходили вверх-вниз.

— М-м.

— М-м.

Лежащая на холмике Аниной груди мужская ладонь лёгким круговым движением напомнила о своём присутствии. Аня, обняв папу, потянулась к его губам. Поцелуй лёгкой волной закружил голову, унося прочь все мысли о «правильном поведении». Сознание того, что с ней не просто мужчина, а именно её папа, странным образом действовало на девушку. С одной стороны Аня не воспринимала его «внимание», как знакомую, заставляющую хотеть ласку. А с другой, сама необычность, даже невозможность ситуации возбуждала сильнее самых изысканных ласк, разжигая желание. Гремучая смесь лёгкого стыда от своей «доступности» собственному папе, стремления к близости с ним, возможности позволить это

превращала желание в страсть, заставляя тело девушки вздрагивать от прикосновения сильных, нежных рук, рваться, забыв обо всём, им навстречу. Губы папы целовали её лицо, плечи, шею, спускались на грудь. Кончик языка дразнил напряжённые, заострившиеся, коричневые кружочки сосков. Анька, запрокинув голову, кусала губы, сдерживая рвущиеся наружу стоны. По бёдрам девушки скользила широкая мужская ладонь, а снизу о них тёрся, упираясь всё сильнее, твёрдый, чуть влажный от смазки, живой поршень. Аня, разведя ноги, открыла ему путь наверх и накрыла ладошкой выросшую меж ножек «игрушку», впервые в жизни коснувшись папиного члена. Вздрогнувший от прикосновения, упругий стержень был совсем рядом с киской. Аня сдвинулась чуть вперёд так, чтобы член проходил прямо вдоль створочек её пещерки и сжала его ножками. По красной, возбуждённо-раскрытой головке потихоньку сползали на тёмный треугольничек, склеенных следами недавних ласк, волос тягучие, полупрозрачные капельки. Анина пещерка тоже сочилась. И не просто. Девушка начинала чувствовать в себе зарождение чего-то большего, чем просто сок желания.

Хорошо видимая Аней, киска Ирки, склонившейся на коленях над дяди Костиным стволом, уже тоже влажно блестела. Пальчики свободной руки девушки легонько ласкали её. Дядя Костя, закрыв глаза, полулежал в кресле, коротко двигая задом навстречу Иркиному роту. Его стержень вырос и выпрямился. Ира теперь не могла взять его целиком и, придерживая рукой, дразнила уже только головку и верхнюю часть члена.

Анька, как и дядя Костя, начала двигать попойкой вверх-вниз, чтобы папин ствол заскользил вдоль киски. Дверцы её шкатулочки, готовые распахнуться перед ним, просили большего. Аня сильнее сжала бёдра. Она хотела бы поиграть с головкой стержня пальчиками, но папины руки своими бесстыжими ласками заставляли девушку извиваться, вытягиваться, сжимая кулачки, закрывать лицо ладонями, не давая сосредоточиться на «игрушке». Аня уже не была равным партнёром в игре. Её вёл папа. А она могла лишь открываться даримому ей наслаждению, отвечая по мере сил и умения.

Папа же продолжал нежить девушку. Наконец, он мягко приподнял Аню, ставя на пол. Аня решила, что теперь её очередь приголубить папину «красоту» и хотела опуститься на колени. Однако, папа встал на колени сам, а девочку усадил, почти уложил в кресло. Анька, понимая зачем он это сделал, широко развела ножки, замирая в предвкушении настоящей, такой желанной атаки. Блестящая головка мужского поршня смотрела прямо на приоткрывшуюся перед ним пещерку. Сейчас! Но, вместо этого, папа склонил лицо к мокренькой Аниной киске. Его, вдруг ставший одновременно и твёрдо-упругим и подвижным, язык прошёл вдоль «складочки» девушки, сильно прижался к клитору, заиграл с ним самым кончиком. Аня, вцепившись в подлокотники кресла, чуть вверх не поползла от нахлынувшей волны чрезмерного, едва не переходящего в боль, блаженства. А вот рванувшийся наружу, звонкий крик удержать не смогла. Она видела, что Ирка с дядей Костей, оглянувшись, смотрят на неё, но ей было плевать. Папа продолжал играть язычком с её «секретом», и Анька всё равно не могла ничего, кроме как елозить спиной по креслу и тихо вскрикивать, кусая пересохшие губы.

— О-а.

— А-ай.

— Ой.

— Ой. Уй-й.

Анька едва обратила внимание, что дядя Костя, спустившись на пол, поставил Иру «раком» и

вошёл в девушку. Ирка, положив голову и руки на кресло, сладко вздрагивала в такт «ударам» мужчины. Его стержень почти выходил наружу, замирал на мгновение и снова резко влетал в узенькую, плотно обнимающую свою «добычу» киску. Костин живот звонко шлёпался о попку дочери. Но до Ани сейчас даже звуки доходили неясно, словно в тумане. Ловкий язык папы отодвинул на задний план всё, кроме этого почти запредельного ощущения. Они с Сашкой тоже пробовали такую игру, и Аньке понравилось, даже очень. Но сейчас... Она и не думала, что может быть так хорошо.

Папин язычок, такой нежный и ласковый, начиная двигаться от самой попки, слегка раздвигал влажные, зовущие «шторки» её «складочки», скользил по ним вверх, достигал трепещущего, набухшего бугорка клитора, с силой прижимался к нему, дразнил кончиком. И снова, снова...

Ногти царапали обивку кресла, дыхание прерывалось. Сладкая судорога сводила мышцы низа живота, заставляя вздрагивать, тянуть на себя согнутые в коленях ноги. И желать, желать, желать, чтобы это продолжалось. Папочка! Милый! Что же ты со мной делаешь?! — А-ха-ха-ха-а-а-аааа...

Волшебный Анин дождь хлынул без всякого предупреждения, усыпав стенки её «сокровищницы» бриллиантами капель любовного нектара. Кажется, Аня кричала ещё что-то. Какие-то секунды она просто не сознавала происходящего. Словно в комнате выключили не только свет, но и вообще всё.

Сначала вернулись звуки. Отрывистые, неразборчивые. Потом ощущение нежного прикосновения пальцев к её киске. Папочка! И только после этого, прояснившись, наконец, глазам Ани открылась комната и стоящий перед ней на коленях, ласково улыбающийся папа Игорь. А позади него, вскрикивая и стуча кулачками по креслу, ездил по члену своего папы раскрасневшаяся Ирка. Рыжие волосы разметались по плечам, мячики груди прыгали, будто резиновые, попка с силой хлопала по животу дяди Кости. Ирка кончала, но не собиралась останавливаться.

И она тоже не хочет. Аня мягко и чуть смущённо улыбнулась «своему» мужчине и протянула к нему руки. Папа, обняв девушку, помог ей встать и нежно поцеловал влажными от сока губами. Аня, прижавшись к нему, осторожно провела пальчиком по блестящему, скользкому подбородку.

— Мне было так хорошо, папочка! Ты у меня такой, такой...

— Я постараюсь сделать тебе ещё лучше. — Широкая мужская ладонь накрыла ягодицы девушки. — Только усажу поудобнее.

— Можно я сначала сделаю для тебя. — Аня, быстро опустившись на колени, взяла рукой твёрдый, сочащийся смазкой поршень. — Я очень хочу его попробовать.

Папа молча кивнул. Тогда Анька потянулась к блестящей головке, поцеловав, облизала её и, плотно обхватив губами, впустила игрушку в ротик. Поршень заполнил её целиком и всё равно не поместился. Да, она и не рассчитывала справиться. Минет ей доводилось уже делать. И, между нами девочками, не только Сашке. Но... До настоящего умения ей дальше, чем целке до аборта. С неё достаточно сделать папе приятно и поиграть с его штукой. Анька, помогая себе язычком, старательно сосала упругий, чуть подрагивающий во рту стержень. Она видела, что папе нравится, но понимала, что этой, не очень умелой ласки для мужчины недостаточно, чтобы полностью «раскрыться». А вот в её собственной пещерке, кажется, начинала подниматься новая волна «любовного извержения». Ещё далёкая, но уже явственно

ощутимая...

Ирка не сбавила темп, расслабляясь после случившегося «фейерверка». Наоборот, захлёбывающийся Анькин крик только подстегнул её. Упираясь руками в кресло, она продолжала размашисто раскачиваться, надеваясь на папу. Безостановочно скользящий в ней мощный, тугой поршень раз за разом, тревожа, раздвигал тесные стенки её «источника», «целовал» вздрагивающую матку, торопил, подстёгивал желание. И Ирка отвечала взаимностью, спешила навстречу «волшебной палочке». Мешавшее поначалу сознание, что ею «занимается» собственный папа, исчезло, растворилось в стремлении получить всё возможное наслаждение от, овладевающего ею, мужчины и ему же сторицей вернуть обратно. К нему, к нему... О-у... ещё, ещё раз... ещё...

Анька, на секунду замерев с «игрушкой» во рту, вопросительно глянула на папу. Она готова продолжать, но, может быть, ему нужно большее. Игорь мягко подался назад, высвобождая свой ствол из «плена», наклонившись, поцеловал Аню и, взяв на руки, уложил в кресло. Точно так же, как устраивал, чтобы приласкать язычком. Только теперь к Аниной пещерке стремился другой «искатель сокровищ». Блестящая, ещё хранящая тепло девичьего ротика головка коснулась полуоткрытых дверей Анькиной «секретной комнаты», плавно заглянула внутрь и, набирая скорость, рванулась вперёд среди тесных сводов, достигая самого дна наполненного соком и смазкой «колодца». Мм-аа-ма! Как же она, оказывается, этого ждала. Аня, задыхаясь и царапая обивку, снова вцепилась в подлокотники. Наполненный мужской силой ствол раз за разом «вырастал» в её «саду наслаждения», ласкал, прельщал, торопил пролиться на него «живительным дождём» любовной влаги. И «небеса» Аньки не устояли перед его просьбой. Лежащие на плечах папы Игоря ножки вздрогнули, напрягаясь в волнующей судороге, спина выгнулась, приподнимая киску навстречу своему «соблазнителю». Одно невыразимо долгое и сладостное мгновение-предвестник, и созревший «запретный плод» девушки истёк переполнившим его соком.

Прямой, блестящий от Аниной «росы» ствол продолжал раз за разом входить в её киску, рождая влажные, хлюпающие звуки. А девушке хотелось только одного, чтобы это продолжалось и продолжалось. Папины ладони накрыли остроконечные башенки её груди, сжали их, чуть сминая упругие формочки, в нежных объятиях. Аня, протяжно выдохнув, как смогла, подалась навстречу новой ласке.

— М-м-м-м.

Папин стержень большой и сильный снова и снова оказывался в ней, словно по волшебству появляясь там, тогда и так, как того требовало жаждущее «встречи» тело девушки. Аня, захлёбываясь наслаждением от его «атак», металась по креслу.

— Ой. Ой. Папочка, какой же ты... Ой... Папа... Как мне... Ой, ой...

Когда же её Са... Ой, ай... Сашка так... научится? О-о-оойй... Кажется я снова...

Ирке казалось, что исчезло всё вокруг. И она сама исчезла, растворилась. Остался лишь живой, горячий поршень, неутомимо и мощно движущийся в её киске. Раскачиваемая крепкими мужскими руками попка девушки безостановочно «ходила» взад-вперёд. Звонкие шлепки папиного живота о ягодицы разносились по комнате. Ирка, часто и хрипло дыша, коротко и прерывисто вскрикивала.

— А... А... А... А!

Усталость, накатившись волной, прижала руки и голову к креслу, заставила дрожать колени. Пусть. Папа всё сделает сам! Её «плотина» уже почти прорвана. Совсем немного и чудесная

влага прольётся долгожданным ливнем в её пещерку. Ещё несколько ударов папиного молота. Ещё, ещё. Ещё-о-о!

— Ааааа!

Она вдруг поняла, что кричит уже не одна, и её голос сливается с папиным. Костя, яростно дёргая задом, насаживал дочку на стержень.

— Ааааа!

— Уу-ооооо!

Два встречных потока соединились в глубине Иркиной пещерки. Два тела замерли, прижавшись друг к другу, вздрагивая в такт общей сладкой судороге.

— Аа-хх.

Ирка обмякла у кресла, не в силах пошевелиться. Папа Костя, выскользнув наружу, тяжело дыша, привалился рядом...

Анька почувствовала, что ритм движений папы изменился. Даже её невеликий опыт позволил понять почему. Заряженный мужской ствол готовился выстрелить. Она уже тоже на подходе, но теперь наверное не успеет...

— О-ё-ёёё-ёй...

Папины пальцы легли на возбуждённо выросший бугорок её клитора, примяли его, даря столь нужную сейчас ласку. Атакованная изнутри и снаружи «сокровищница» девушки дрогнула под двойным напором. Сейчас. И вот, россыпь драгоценных капель женской любовной росы усыпала стенки пещерки. Па-апочкаа! Мужчина с силой прижался к Ане. О-о-о! Горячая струя ударила в самую матку. Сжатый в объятиях киски стержень, вздрагивая, выстреливал всё новые порции спермы. Задохнувшись от наслаждения, Аня, не в силах даже кричать, лишь коротко всхлипывала в унисон «выстрелам». По щекам девушки катились слезинки. Она не замечала этого.

— Анечка?! Аня?!

Аня открыла глаза. Над ней склонилось встревоженное лицо папы.

— Что с тобой? Ты плачешь?

— Я? — Анька удивлённо коснулась рукой мокрой щеки. — Нет. Я... не знаю откуда. — Аня растерянно улыбнулась. — Просто... Просто мне было так хорошо!... Па-апочка!

Анька, обвив руками шею отца, прильнула к его губам. Она ещё чувствовала внутри себя его стержень. Правда, он потихоньку покидал девушку. Дверцы шкатулочки, чуть потянувшись вслед, с тихим чмоканием выпустили усталую «игрушку». Папа сдвинулся вбок и, стоя возле кресла на коленях, легонечко гладил лежащую девушку. Чуть касался груди, плеч, плоского животика. Анька тихонько млела от его ласки, лениво поглядывая вокруг сквозь полуприкрытые ресницы.

Дядя Костя, приподнявшись, доставал со стола сигареты, а Ирка, видимо совсем выдохшись, всё ещё стояла на коленях, уткнувшись головой в сиденье кресла. По блестящей киске подружки густым белым подтёком сползала вниз вытекающая наружу сперма. Ой, да из неё самой тоже начинает течь. А её киска распахнута прямо перед дядей Костей, словно витрина. Анька, прикрывшись ладошкой, с трудом начала сползать со своего ложа.

— Устала? Может тебя отнести до ванной? — Склонился к уху девушки папа.

— Ой, нет! — Смутилась Анька. — Мы с Ирой сами. Только дай мне попить, пожалуйста.

— Держи. — Папа протянул ей стакан.

— И мне! — Услышав за спиной бульканье сока, Ирка, развернувшись, съехала на пол и,

подтянув согнутые в коленях ноги к груди, привалилась к креслу. — Ужас, как пить хочется. «Негерметичную» киску, она, как и Анька, поплотнее запечатала ладошкой.

— Ой, хорошо! — Аня, не отрываясь, высосала свою порцию.

— И не говори! — Ирка непослушной рукой пыталась поставить стакан на стол.

Анька, забрав посуду, помогла подруге подняться. У неё самой поддрагивали ноги, и немного кружилась голова, но Ирке, похоже, было ещё труднее.

— Дядя Игорь, можно ещё сока? — Тихо попросила она.

— Держи, Ирочка.

— Фф-уу. Полегчало. — Голос Ирки и впрямь зазвучал веселее. — Теперь жить можно, а то я вся пересохла, как колодец в пустыне. Идём Аня.

— Ну, о пересохших колодцах я бы не очень-то распространялся. — Донеслось сбоку негромкое, вроде бы в сторону отпущенное, замечание папы Игоря.

Ехидный намёк Аниного папочки, стоящие по понятной причине в позе стеснительных купальщиц, подружки предпочли «не расслышать», но из комнаты, крутнувшись как по команде, вымелись с горящими ушами и неприличной поспешностью. Ирка только в ванной обнаружила, что примчалась туда прямо с пустым стаканом.

За время их отсутствия папы успели опять удобно расположиться в креслах и накатить себе ещё по одной.

— Спокойной ночи пришли пожелать или с нами посидите? — Поинтересовался у вернувшихся девчат папа Костя.

— Если можно, мы пойдём. — Аня виновато пожала плечами. — Устали очень, лечь хочется.

— Отдыхайте, конечно. — Папа Костя протянул Ирке, подобранные с пола, ночнушки и вдруг усмехнулся. — Ушатали мы, похоже, с тобой, Игорёха, «оценщиц» наших. Это им не быстренько после школы, до возвращения родителей успеть.

— Ага. — Смеясь, поддержал друга Анькин папа. — И не в дальнем конце парка, штанишки сняв, у скамейки наклониться, пока другая пара на шухере стоит.

Анька, хоть и заинтересовалась, вдруг, мифическим дефектом обоев, сумела «скроить моську тяпкой». А вот Ирка, не выдержав, залилась краской. Ещё бы! Папочкин подкол, что называется, в самую дырочку угодил. Как по заказу. Позавчера только, они с Ирккой, поддавшись на уговоры своих парней, впервые согласились, за неимением свободной хаты, «исполнить» с ними на природе. Позавчера только, на пальцах разыгрывали, кому первой стоять, опираясь на этот самый предмет парковой мебели. Анька помнила как, подставляясь, вертела головой во все стороны, обмирая со страху, что Ирка с Димкой проглядают, и кто-нибудь застанет её за этим занятием. Тогда хоть сразу в пруд со стыда. «О кончить самой» и речи не шло. Какое там?! Лишь бы Сашку дождаться. Сменившая её на «боевом посту» Ирка потом рассказывала, что, давая Димке, то же самое чувствовала. Они сегодня потому и удрали одни, без парней, чтобы те их прямо среди подснежников «не разложили». Не отмажешься ведь, прецедент-то создан.

А там этих любителей цветочков шляется, как собак нерезаных. Того гляди, позору не оберёшься. Да и холодно, блин, по такой-то погоде с голой задницей! Другое дело в конце мая. Там можно юбочку короткую без колготок надеть. В ней и ножки проще развести, типа к парню на коленки садясь. И у той же лавочки нагнувшись, не так палишься. Хотя, всё равно, конечно, экстрим. Для хорошего секса спокойная обстановка нужна. Это Анька сегодня на сто процентов усвоила. А у папочки, видать, собственный опыт «отдыха» в парке имеется. Иначе

с чего бы он таким провидцем оказался. Блин, неудобняк-то какой!

— Ладно, девчонки. — Папа Игорь, улыбаясь, глянул на смущённых подружек. — Мы в ваши дела не лезем. Вы только поаккуратнее будьте, чтобы нам с Костей раньше времени в дедушки не попасть. Спокойной ночи, хороших вам снов.

— Спасибо. И вам.

Подружки улизнули в спальню. Добравшись до кровати Анька без сил рухнула на неё. Даже одеялом укрыться было лень. На диване таким же «брошенным половичком» валялась Ирка. Минут десять Аня просто неподвижно лежала, закрыв глаза. Потом, отдохнув немного, укрывшись, устроилась поудобнее. Сна не было ни в одном глазу.

— Ирка, спишь?

— Да, ну! Разве сейчас уснёшь.

— Хочешь, залезай ко мне, пошепчемся.

— Давай.

Ирка, волоча за собой подушку, шмыгнула к Аньке под одеяло, подвинулась поближе.

— Аньк?

— Мм?

— Ну и как тебе сегодняшнее... приключение?

— Знаешь, — Анька повернулась к подруге, — то, что мы сегодня вчетвером начудили, конечно, беспредел. Но если об этом не думать... У меня такого классного секса никогда не было.

— И у меня. — Иркина рука нашла под одеялом Анину ладошку. — Ты не сердись... ну-у, за то, что я всё это затеяла.

— С чего? — Анька пожалала плечами. — Получилось здорово. Необычно и... вообще. У меня даже сейчас, когда об этом говорю, что-то там... волнуется. А, казалось, уже и взяться неоткуда.

— Аналогично. — Призналась Ирка. — Это было нечто. И с двумя сразу. Хотя, конечно, с собственным папой трахаться... Кстати, а кто тебе всё же больше... как мужчина?

— Ты не сердись. — Аня легонько сжала Иркину ладошку. — Но мне со своим папой понравилось больше, чем с твоим. С дядей Костей было отлично, но с папкой я вообще улетела.

— Да уж слышали все, как ты вопила, улетая. — Хихикнула Ира. — Думаю, и на улице тоже. Но с оценкой согласна. Хоть и обидно за папулю, но мне с дядей Игорем тоже лучше было. А ласкает он, вообще волшебным. Если б ещё не его подъёбочки...

— А что? — Насмешливо фыркнула Анька, пользуясь случаем в ответ «куснуть» подругу. — Про лавочку в парке очень даже ничего вышло. Классно твоя физия смотрелась. Здоровый такой, жизнерадостный пунцовый цвет. Тебе даже шло.

Ирка, возмущённо сверкнув глазами, погрозила Аньке маленьким, но крепким кулачком.

— Димке больше по походному не дам. — Недовольно пробурчала она. — Из-за него всё. Такая стыдобища была перед папой!

— Ой, забей. — Отмахнулась Аня. — А то твой папа не знает где и в какую позу можно девушку поставить? Ему главное, чтобы ты не шалавилась с кем попало, да не залетела. А остальное... Да и Димке ты всё равно ведь дашь.

— Дам, конечно. — Усмехнулась Ирка. — Куда ж я денусь?

— Знаешь, Ир, — вдруг улыбнулась Анька, — нам теперь, хочешь не хочешь, на всю жизнь

подругами оставаться придётся. Мы друг про дружку столько знаем, что...

— Это уж точно. — Кивнула Ирка. — Только... — Её пальцы осторожно коснулись Аниного бедра, скользнули вверх и нерешительно замерли на выпуклой кнопочке соска. — Может быть поближе... подружиться?

— Ира, — Анькин голос вдруг почему-то сел до шёпота. — Думаешь, нам... стоит?

— Не знаю, Ань. — Тоже шёпотом отозвалась Ирка. — Просто... Сегодня уже случилось столько всего, о чём я ещё утром даже подумать не могла. Может именно сегодня день такой?... Для нас.

Несколько секунд в комнате стояла напряжённая тишина, нарушаемая только взволнованным дыханием обеих. Потом Анины пальчики неуверенно коснулись щеки подружки, медленно, словно боясь чего-то, спустились вниз, тихонько дотронулись до обведённого коричневым кружком остренького сосочка. Иркина ладонь, уже смелее, обняла холмик Аниной груди. Губы девушек встретились